

ЕПИСКОП НИКОЛАЙ ВЕЛИМИРОВИЧ (1880-1956)

ЖИЗНЬ

Николай Велимирович, будущий владыка Охридский, родился 23 декабря 1880 года — в день святого Наума Охридского, этим Перст Божий как бы указал на его судьбу. Обращает на себя внимание и то, что свет он увидел в деревне Лелич, посреди Валеvской нахии, которая Сербии дала род Ненадовичей, писателя Милована Глишича, философа Божидача Кнежевича, воеводу Мишича и других великих людей.

С детских лет своих Николай участвует в жизни Церкви, так как набожная мать водит его на службы Божии в монастырь Челие. Уже в начальной школе Николай выделяется исключительными дарованиями, и родители — Драгомир и Катарина, — под влиянием учителя Михаила Ступаревича, разрешают ему посвятить себя учебе. За это они будут многократно вознаграждены успехами сына в Валеvской гимназии и Белградской духовной семинарии, а позднее — в европейских университетах и в церковной деятельности.

Благодаря государственной стипендии Николай поступает на старокатолический Теологический факультет в Берне, где в 1908 году защищает докторскую диссертацию по теологии: *«Die Glaube an die Auferstehung Christi»*, которая опубликована в 1910 году на немецком языке и лишь в 1986 году — в переводе на сербский под названием *«Вера у Христово васкрсење као основна догма апостолске цркве»* (Химелстир, 1986, кнь. II).

В 1909 году будущий епископ в Оксфорде готовит диссертацию о Беркли (Berkeley), которую впоследствии защитит в Женеве на французском языке. Двадцатого декабря того же года он принимает монашеский постриг в монастыре Раковица с именем Николай. После путешествия по Адриатическому Приморью, Германии, Швейцарии и Италии, следуя совету митрополита Димитрия, отправляется в Россию.

Биография Николая Велимировича нераздельно связана с историей сербского народа. Еще будучи семинаристом, в первые годы XX столетия, как близкий сотрудник протоиерея Алексия Илича, редактора «Христианского вестника», он включается в общественную жизнь и присоединяется к оппозиции режиму короля Александра; поэтому он оправдывает майский переворот 1903 года и с тех пор выражает поддержку династии Карагеоргиевичей.

Ораторский дар Николая Велимировича, сразу же замеченный, весьма способствует росту его популярности и политического веса, особенно во время балканских войн (*«Проповеди под горой»*, *«Над грехом и смертью»*).

В период Первой мировой войны, с 1915 по 1919 гг., его активность в Англии и Америке — преимущественно дипломатического характера — имела большое значение для того, чтобы в мире были признаны и учтены сербские интересы. Хотя тогда он стоял за создание Югославии по плану Корфской декларации, но согласно идеалу, который он всегда носил в себе, Югославия должна была включать лишь православные балканские страны с опорой на Россию (*«Сербский народ как Теодул»*).

В начале 1919 года (12/25 марта) Николай Велимирович находился еще в Англии, когда Сербская Церковь избрала его епископом Жичским. Затем, с 1920 по 1930 гг., он окормлял Охридскую епархию, после преобразования которой был перемещен в Битоль, на Охридско-Битольскую кафедру (1930-1934). Оттуда возвращается в монастырь Жича и на протяжении 1935-1941 годов, вплоть до начала Второй мировой войны, остается епископом Жичским, резиденция которого находилась в городе Кралево.

Что касается миссионерской деятельности Владыки Николая, то она была огромной по объему и всесторонней по содержанию, так что не ограничивается изданными владыкой Лаврентием в Химелстире (Германия) тринадцатью томами текстов, и может сравниться разве что с деятельностью святого Саввы.

В период между двумя мировыми войнами как миссионеру Сербской Церкви ему доводилось обретаться на Западе, прежде всего в Англии и Америке, но он бывал также и в соседних балканских странах, в Константинополе, а больше всего в Греции, где неизменно посещал Святую Гору и способствовал возобновлению общежитийного порядка в сербском монастыре Хиландар. Владыка многократно участвовал в международных и межцерковных встречах, поскольку интересовался экуменизмом и подружился с представителями Англиканской и Епископальной церквей. В 1930 году он был участником предсоборной конференции Православных Церквей, которая состоялась в Святогорском, Афонском, монастыре Ватопед. На родине же он заботился о восстановлении старых церквей, монастырей и других святынь, отличался также активной гуманитарной деятельностью — строил детские Дома и приюты от Битоля до Чачка, Горнего Милановца, Кралева и Крагуевца.

Но, пожалуй, самая большая заслуга Владыки Николая перед Сербской Церковью — организация в 1919 году Богомольческого движения, а именно — Православного Народного Христианского Объединения. Благодаря магнетизму своей личности он активизировал и направил латентную религиозность народных масс, которые вдруг ощутили потребность утолить свою духовную жажду. И таким образом под его влиянием в двадцатые годы минувшего века организовано это религиозное движение, в основном крестьянское, впечатлявшее своей набожностью и молитвенной ревностью. Сам Владыка охарактеризовал его так: «Богомольцы — не какая-то секта, а ревнители истинной веры в Церкви Православной. Они строго соблюдают посты, празднуют воскресение, воздерживаются от любого злого слова и хулы. Любят друг друга и помогают один одному. Читают лишь Священное Писание и духовные книги. Живут в миру, а не от мира сего. Они готовы с радостью пойти на смерть за Христа» (*«Индийские письма»*). А тем, кто видел в этом явлении своего рода коллективное помешательство и удивлялся, что Владыка среди таких, он отвечал: «Дай Бог, чтобы это народное "помешательство" никогда не ослабело во мне до конца жизни моей» (*«Очаги веры во мраке современности»*).

Данный пример показывает, что о епископе Николае нельзя судить, учитывая только его гениальность. Ибо он был одновременно духовным вождем, светочем, источником вдохновения. Без всякого преувеличения можно сказать, что Сербская Церковь до Владыки Николая отличается от той, какой стала после него. С него начинается новая эпоха. Выходит, что благодаря ему сербы раскрыли полноту своей веры. Он не только привлек к Церкви народные массы, но и вдохновил духовную элиту, собрал блестящих богословов — таких, как Иустин Попович, Иоанн Рапаич, Димитрий Найданович и целая плеяда молодежи.

Тесно связанный с жизнью своей Церкви и своего народа, Владыка Николай никогда не мог оставаться равнодушным по отношению к историческим событиям, которые потрясли народное сознание, а то и ставили под вопрос само выживание. Когда после Октябрьской революции волна русских эмигрантов хлынула в нашу страну, Сербия приняла их сердечнее, чем какая бы то ни было бывшая провинция империи. Русская Зарубежная Церковь нашла в ней самое надежное пристанище, а митрополит Антоний Храповицкий и архиепископ Иоанн Шанхайский в лице епископа Николая Велимировича — самого

искреннего друга. Действительно, не было в мире человека, который бы проявил больше понимания русской трагедии и соучастия, нежели Владыка Николай. И нет иностранца, который бы за это время написал большее число статей и сделал большее число выступлений в защиту русского народа. В письме *«Неправославному священнику, спрашивающему, за что Бог карает православную Россию»*, Владыка подчеркивает, что Россия страдает не только за свои грехи, но и за грехи других народов, которые — подобно Христу — приняла на себя ради спасения рода человеческого.

Естественно в таком случае, что Владыка тем более должен был встать на защиту Сербской Церкви, когда она оказалась под угрозой конкордата между Ватиканом и правительством Стоядиновича, в соответствии с которым Римская церковь получала права большие, чем Православная. Широко известно его письмо по этому поводу, в 1937 году направленное Антону Корошцу, министру внутренних дел: «Когда ваши полицейские 19 июля напали, как волки, на мирный крестный ход православных перед Соборной церковью Белграда, когда они с нероновским бездушием уничтожали во время общей молитвы безоружный народ, народных посланников, епископов и священников, когда с еретической ненавистью рвали церковные хоругви, ломали кресты и раздирали священнические облачения, когда сыпали ругань и хулу на православные и сербские святыни и когда Вы приказали запретить крестный ход во Врнячкой Бане, — тогда я послал Вам протестную телеграмму, на которую Вы не изволили ответить...» (*«Господину д-ру Антону Корошцу, министру внутренних дел, Белград»*).

С самого начала немецкой оккупации Сербии во время Второй мировой войны епископ Николай был изолирован, содержался под надзором в монастырях Жича и Любостиня (1941), затем, вместе с патриархом Гавриилом, перемещен в монастырь Войловица (1942), а оттуда 14 сентября 1944 года немецкие оккупанты перебросили их в ужаснопамятный концлагерь Дахау. Согласно вполне убедительной версии (*Иеромонах Афанасий Евтич. Послесловие к книге «Новый Златоуст» протосингела Артемия. Белград, 1986*), этих церковных иерархов немцы карали за то, что они не пожелали осудить Коммунистическую партию от имени Сербской Церкви. Но если сербские духовные пастыри поступили так из принципиальных соображений, чтобы не скомпрометировать Церковь явно политическим актом, известно, что личные симпатии епископа Николая были на стороне генерала Драголюбa Михайловича. Политическая позиция Владыки Николая нашла выражение прежде всего в *«Стране Недоджши»*, главный герой которой сражается в рядах войска четников, служит в корпусе Кесеровича и славит героизм Нешка Недича, моля Бога, чтобы сербов спас от безбожников. При этом он Недича и Лётича не осуждает как предателей, а чтит как патриотов, считая, что они принесли себя в жертву «из-за страшной беды, чтобы спасти хоть какую-то часть своего народа», который немцы и их союзники «обрекли на окончательное уничтожение». Из личной переписки Владыки также видно, что он до конца жизни молился «за Драголюбa, Милана и Димитрия».

Из Дахау Владыка Николай Велимирович, благодаря заступничеству Димитрия Летича, был выпущен и в апреле 1945 года прибыл в Истру, чтобы благословить сербские воинские части, которые были там сконцентрированы под командованием михайловичевского генерала Дамняновича, начальника «Внешнего отдела Верховного командования Югославской армии в Отечестве». Поскольку не осуществился план приезда короля Петра II из Лондона на эту же территорию, чтобы оттуда добиться освобождения Югославии, владыка Николай снова возвращен в Германию, а окончательно освобожден 8 мая 1945 года силами 36-й американской дивизии.

После окончания войны епископ Николай не пожелал возвращаться в титовскую Югославию и до конца жизни своей остался в изгнании. Побыв недолго в Европе, он затем, в 1946 году, перебрался в Соединенные Штаты Америки, где до конца дней своих продолжал миссионерскую деятельность. В эмиграции владыка написал большое количество проповедей и книг, а также был профессором православных духовных школ. Он преподавал в сербской духовной семинарии имени святого Саввы в Либертвилле, но более всего обретался в русской среде— как преподаватель Свято-Владимирской Академии в Нью-Йорке, Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле и Свято-Тихоновской в Соунт Канане (Пенсильвания), где и упокоился 5/18 марта 1956 года. Похоронен Владыка у сербского Свято-Саввского монастыря в Либертвилле, а впоследствии останки его перенесены в Сербию.

ТВОРЧЕСТВО

Всесторонне одаренный, Николай Велимирович имел возможность подняться на вершины любой сферы духовной и литературной деятельности, к которой прикасался. Во всем и всегда он первый или среди первых: как проповедник и поэт, не менее чем как миссионер, мыслитель и пророк.

ПРОПОВЕДНИК

Владыка Николай обновил сербское церковное проповедничество и сам был наименее значительным проповедником в истории Сербской Церкви. Народ уже давно назвал владыку Златоустом. Паства инстинктивно почувствовала, что перед ней необычный человек, и привлечена была тем, что он имел ценнейшее — божественный дар слова. Стадо узнало своего пастыря. За тем, кому даны были такая сила и такая красота слова, за проповедником, который говорил «как тот, что имеет власть», должно было стоять само Слово, сам божественный Логос. Сравнение со Златоустом, спонтанно родившееся в душах верующих, содержало в себе некое пророческое предощущение. Между этими двумя христианскими учителями существовали некие глубинные связи судеб, имелось духовное родство. Один и другой питали нежную, но простую и неугасимую любовь по отношению к матери. Оба проявляли больше склонности к этике, чем спекулятивной теологии. Как церковные деятели они относились к одному типу: это знаменитые проповедники, моралисты и учителя с огромным влиянием на свою эпоху. Оба отшельничество предпочли водовороту мирской жизни. Они оставили после себя сотни пастырских писем и посланий. Жизнь закончили в изгнании и бедности. Указанное же подтверждает, что Владыка Николай всей своей жизнью и деятельностью, а еще более — своей смертью в изгнании, достоин именоваться Златоустом.

Место Владыки Николая в литературе определяется совокупно его заслугами как церковного проповедника, религиозного поэта и эссеиста. Как такой он для сербской литературы имеет значение не меньшее того, что имели Босье, Фенелон и Лакодер для литературы французской. Бранислав Нушич с полным правом внес в свою «Риторику» его *«Проповедь о великом имени»*, жемчужину отечественного проповедничества. Вот как начинается она: «Моя одежда, господа, показывает, какова моя проповедь. Древнего покроя моя одежда, стародавняя и проповедь моя. В одном слове вся моя проповедь

выражается. И это слово общеизвестное во всех концах света, во всех сердцах, на всех языках. Это имя Некого над нами...»

ПОЭТ

Еще при жизни Владыки Николая его религиозная поэзия проникала в души сербов глубже, чем многие речи или статьи. Стихи Владыки уже десятилетия поют в народе, начали петь их и в церкви. Но все-таки по сравнению с собственно стихами большую литературную ценность имеют его стихи в прозе — прежде всего *«Моления на озере»* и *«Слова о Всечеловеке»*, а в известном смысле и *«Религия Негоша»*.

Стиль *«Молений на озере»* более всего напоминает Псалмы Давидовы и *«Подражание Христу»*. Но это — скорее религиозная поэзия как отражение и сопровождение подвижнической жизни, чем поэзия мистическая, подобная той, что создавали Симеон Новый Богослов или Фома Кемпийский. Правда, в *«Молениях на озере»* встречаются и следы аскетизма, но не всякий аскетизм должен оборачиваться мистицизмом. В *«Молениях на озере»* существует известное мистическое устремление и попытка молитвенника отрешиться от всего видимого. Несомненно, эта книга — плод внутренней борьбы. По сравнению со *«Словами о Всечеловеке»* она означает возвращение автора к ортодоксии, аскетизму и монашеской традиции. Между тем, в ней Владыка еще ищет себя, свой духовный путь и стиль, колеблется между мистическим и естественным бот опознанием, не зная, что весь уже проникнут вторым из них и по типу религиозности, и по риторско-поэтическим свойствам своего таланта. В любом случае, *«Моления на озере»* можно отнести к вершинным произведениям мировой религиозной поэзии. Хотя и в других произведениях Владыки имеются метафоры и картины, которые в эстетическом отношении не уступают *«Молениям на озере»*. Из таких — сравнение бесчисленных стай и неисчислимых миллиардов птиц с людскими душами на небесах, которое находим в *«Вере образованных людей»*.

Как автору *«Религии Негоша»* Владыке Николаю удалось в известной степени из литературного очерка создать стихотворение в прозе, как это, несколько в ином плане, удалось Милошу Црнянскому при написании первой части его романа *«Переселения»*. Хотя *«Религия Негоша»* и без этого была бы неопределимо значимой для сербской литературы. Ведь Николай Велимирович первым провел исчерпывающий анализ Книги Бытия, *«Утраченного рая»* Мильтона и *«Луча микрокосмоса»* Негоша. Но он пошел и дальше, установив принципы и методы нового направления в нашей литературной критике. Его основная цель — не изучение общественной среды, формирующей автора, не перечень биографических сведений, а вживание (*Einfuhlung*) в дух писателя:

«Что я хотел представить этой книгой читателю? Не только произведение о Негоше, а некую картину души Негоша, не документ о выдающемся владыке, а описание чужой душевной драмы, в которую другой человек вживается так, что и сам ее со своим героем переживает. Я и намеревался писать о Негоше не "объективно", а как раз "субъективно". То есть я старался полностью перенестись в своего героя, чтобы, так сказать, душу его воплотить в себе, чтобы идентифицироваться с ним в любой ситуации жизни и тогда мыслить, чувствовать и говорить так, как он. Мне была важна не критика мысли Негоша, а открытие, восприятие, системная конструкция и картина его мысли. Мне важно было не насильное распределение по категориям и определение его чувств, а прежде всего собственное переживание этих чувств» (*«Религия Негоша»*).

МЫСЛИТЕЛЬ

Творчество Владыки Николая показывает, что философ он ничуть не меньший, чем религиозный проповедник и поэт. К сожалению, глубокие мысли Владыки, рассыпанные по всем его произведениям, остаются часто незамеченными, хотя затрагивают, да и решают, коренные вопросы человеческой судьбы. Собрав их, можно было бы составить внушительную книгу афоризмов, которые бы владыку, как великого знатока человеческой души, поставили выше Ла Рошфуко, Шамфора, Вовнарга и Лобока. В большинстве случаев мысль Владыки поднимается до уровня Паскаля. И несомненно, что Владыка Николай Велимирович, наряду с Божидаром Кнежевичем, — самый оригинальный и самый значительный сербский философ XX века. Вместо доказательств здесь, пожалуй, достаточно будет привести несколько высказываний, зажженных от «искры божественной», которые в силу своей лапидарности могут восприниматься как пословицы. Возьмем примеры из *«Слов о Всечеловеке»*:

«История знает два типа героев: тех, кто жертвует своей жизнью во имя своего идеала, и тех, кто жертвует чужими жизнями во имя своего идеала»;

«Мир более всего страдает от добрых дел, которые исходят не от добрых душ»;

«Самые большие истины, сын мой, людям легче докажешь жизнью, а не словами. Поэтому и не начинай говорить о них сначала языком, ибо поставишь их под сомнение»;

«Дети, грех без свидетелей всегда ждет, чтобы повториться»;

«Нет такого безобразия, чтобы не верило в свою красоту. Апология постоянно сопровождает безобразие, особенно душевное»;

«Искренняя молитва — безвременная — дает отдохновение душе в той мере, в какой неискренняя утомляет»;

«Человек ни в чем не скор так, как в забывании своего плохого дела, и ни в чем не медлителен так, как в забывании чужого»;

«Организованная глупость имеет на земле больший успех, чем дезорганизованный ум»;

«Между людьми и людьми, богами и богами можно возвести из слов стены крепче, нежели из стали».

МИССИОНЕР

Человек необычайно высокой культуры, Владыка Николай, прежде чем стать апологетом Православия и миссионером Сербской Церкви, должен был возвыситься над всеми посторонними влияниями. Потому, вероятно, критик Бранко Лазаревич, читая в свое время *«Слова о Всечеловеке»*, получил неверное впечатление об авторе этой книги: «Нет веры, как я сказал, и нет верования у того "верующего", который восстал неистово против всех вероисповеданий — и былых, и нынешних, и будущих» (*«Литературные импрессию»*. Ч.П. Белград, 1924). А он, собственно, восстал против индуистской мысли, потому что она прежде завораживала его больше всех остальных. Те, кто имел доступ хотя бы к части его библиотеки, которая во время Второй мировой войны хранилась в монастыре Каленич, могли убедиться, с каким интересом Владыка изучал все, что относилось к культуре Индии — «матери всех философий». Сами *«Слова о Всечеловеке»* были написаны под влиянием *«Матсии Пураны»*. Позднее, в *«Индийских письмах»* и *«Теодуле»* обнаружилось, что Владыка отлично знал и другие шедевры браманской и буддистской литературы — такие, как *«Веданта»* и *«Упанишада»*, эпопея *«Махабхарата»* и особенно *«Бхагавад Гита»*.

Критикуя в *«Теодуле»* индуистский нигилизм, релятивизм и пессимизм, Владыка Николай приходит к сознанию, что «в Индии нет веры», «ибо если Иисус основывает все на вере, то Индия основывает все на знании». Но ей этого знания не хватает, чтобы познать Бога любви: «Все ты, Индия старая, познала и все узнала о материальном и психическом мире. И все ты, Индия богатая, имеешь. Однако недостает тебе самого большого знания и самого большого богатства. Ты еще не узнала о Боге Человеколюбце и еще не почувствовала, что значит неизмеримое богатство Его любви и доброты. Этого тебе Гималаи не могли дать; это тебе предлагает Назарет» (*«Сербский народ как Теодул»*).

Христианину, пожелавшему после чтения Священного Писания укрепить свою веру объяснением основных христианских истин, сегодня можно все, что нужно для спасения души его, найти в миссионерских и апологетических текстах Владыки Николая. *«Вселенник»* содержит комментарии к творению мира, *«Первый Закон Божий»* предлагает толкование Десяти Божиих заповедей. Спасителю, кроме многих проповедей о Рождестве и Воскресении Христа, посвящена *«Книга об Иисусе Христе»*, а также последнее произведение Владыки — *«Единый Человеколюбец»*, в котором имеется обширная глава о Блаженствах. Из *«Малого миссионера»* незабываема статья «Отче наш» как основа общественного устройства»; в *«Вере образованных людей»* излагается учение о православном Символе Веры; *«Кассиана»* — это поучение, как понимать христианскую любовь; *«Эммануил»* и *«Дивный»* — рассказы о современных чудесах; в *«Вере святых»*, переведенной с английского, Владыка дал сжатый Катихизис Восточной Православной Церкви; *«Гомилии»* содержат проповеди на четыре Евангелия, а *«Охридский пролог»* — рассуждение, созерцание и проповедь на каждый день в году; *«Мудрая игуменья Любостиньская»*, *«Любостиньский стослов»* и *«Жатвы Господни»* — книги, наполненные религиозными поучениями. Равно как и три сотни *«Миссионерских писем»*, которые Владыка оставил после себя. А его религиозная поэзия составляет целый XI том хмельстирского издания сочинений. Кроме того нельзя забыть и произведения о святом Савве и о Косове.

ПРОРОК

На основе таких произведений, как *«Номология»* и *«Война и Библия»*, можно сделать заключение, что философия истории Владыки Николая зиждется в основном на ветхозаветном опыте. Ибо в них автор признает лишь нравственный закон, природные и социальные законы отводя на задний план. Гармония и дисгармония в природе — это лишь отзвуки почитания или непочитания нравственного закона. То же правило распространяется и на историю: когда народы подчиняются Закону Божию, они живут счастливо и спокойно, в противном случае — гибнут, пропадают. Одним словом, Правда Божия осуществляется уже на этом свете и, как видно, ничто не может уйти от Провидения, строго руководящего Своей палицей. Между тем сам епископ Николай неоднократно уточнял эту точку зрения. В *«Символах и сигналах»* он допускает существование «страдания без вины», а в одном из писем высказывается: «Можно ошибиться, если любое страдание личности или народа считать карой Божией» (*«За что Бог карает православную Россию»*),

Когда речь идет о новейшей истории сербского народа, Владыка Николай встает против западничества сербской интеллигенции. Славянофил, он ждет от славян

религиозного возрождения (*«Над грехом и смертью»*). При этом, однако, он не отрицает полностью ценностей Запада, а советует сербам подняться «над Востоком и Западом».

Во время балканских войн философ истории уступает место пророку, ибо он переживает исторические события исполненным сознания, что присутствует при том, как осуществляется пророчество, и задает вопрос: «Кто дал поработенному народу пророчество, на пять столетий удаленное от исполнения?... Кто прежде всего высказал это пророчество? Даже если обшарите всю историю, напрасно — этого не узнаете. Да это и пророчество не одного человека, а целого народа... Что за пророчество? Пророчество о конечном триумфе народной правды, пророчество о воскресении и свободе, и величии. Косово дало начало этому пророчеству, начало и оправдание» (*«Над грехом и смертью»*, проповедь *«О народном пророчестве»*).

А западным «просветителям» Владыка пророчит на большой срок: «...Будут слышать стук мечей на пороге дома своего, будут умирать от голода, лысые и коростливые, но не посмеют высунуться из-за дверей, чтобы предупредить учеников своих» (*«Моления на озере»*).

«Народных вождей» ожидает судьба еще страшнее: «Доживут они до времени, когда дом свой увидят сожженным, и побегут из своей страны, голодные и больные, и не посмеют ни перед кем произнести имя свое. Придется им смотреть на чужеземцев в стране своей и кусок хлеба просить у них. Стране их будет хуже, чем римской. Ибо имели они пример Рима, да не научились <...> Будут они слышать проклятия имени своего, и не посмеют в окно выглянуть. Будут они видеть народ свой, как его связанным в колоннах ведут, и будут бояться за себя. И будут слышать, и во сне, и наяву, проклятия имени своего, и будут дрожать — будут дрожать, а не смогут умереть».

Ужаснувшийся таким видением, пустынный Охридский вопиет: «Господи Великий и Страшный, все Твои пути — милость и истина. Что Ты будешь делать с ослепленными, оглупленными, обманутыми, ограбленными?»

На это Господь ответит: «Если вспомнит кто имя Мое, вспомню и Я его и спасу.

Жду, что Меня призовут, — и отзовусь».

Пока есть призывы на земле, будут и отзвывы на небе.

Тропарь святителю Николаю Сербскому

Златоустый проповедниче Воскресшаго Христа, путеводителю рода Сербскаго крестоноснаго в веках, благогласная лиро Духа Святаго, слово и любви монахов, радованье и похвало священников, учителю покаяния, предводителю богомольна воинства Христова святыи Николае Сербский и всеправославный: со всеми святыми Небесныя Сербии моли Единаго Человеколюбца да дарует мир и единение роду нашему.